Текст · 29 августа 2024, 11:29
Елизавета Нестерова,

«Снизить распространение фейков можно просто: говорить людям правду». Диалог создателя «Протестного МГУ» и судьи кассационного суда

Второй кассационный суд общей юрисдикции в Москве оставил в силе приговор математику и создателю канала «Протестный МГУ» Дмитрию Иванову: он получил 8,5 лет колонии за посты об убийствах мирных жителей Украины российскими военными. Сегодня в суде Иванов попытался объяснить, что россияне получают больше достоверной информации о войне из иностранных источников, чем из официальных российских, и что лучшей стратегией борьбы с «фейками» он считает распространение правды. Судья Ольга Мяндзелец перебивала Иванова каждый раз, когда он начинал говорить о расследовании событий в Буче или о Владимире Путине. «Медиазона» публикует их диалог целиком.

Судья. Есть ли у вас что добавить к тому, что сказала ваш защитник, к тому, что изложила в апелляционной жалобе? Не повторяйте просто ее слова.

Иванов. Несколько слов у меня есть, потому что меня обвиняют в распространении ложной информации, то есть в неправде. Так что скажу несколько слов о правде и вообще о контексте данного уголовного дела.

Когда я публиковал посты, ставшие предметом уголовного разбирательства, под контролем российских военных находились ближайшие пригороды Киева: Ирпень, Буча и другие. О том, что там творилось, нам известно из показаний сотен очевидцев, из экспертиз, детализированных отчетов и огромного количества фото- и видеоматериалов, которые очень страшно смотреть.

Все факты были тщательно проверены и задокументированы журналистами всего мира. Поэтому если у вас есть какие-то основания не доверять, например, материалам *New York Times* или *Associated Press*, которые писали подробно об этом расследовании, вы можете ознакомиться с материалами арабских, индийских, казахстанских и каких угодно еще журналистов. С докладами правозащитников из самых разных стран, с докладами международных организаций, в том числе ООН, в которой Россия не только состоит, но и является членом Совета Безопасности.

Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы описание событий в Буче было неправдой, чтобы такого не произошло. Но вся совокупность информации, которая у нас имеется, увы, не оставляет сомнений в подлинности.

В то же время три недели под контролем российских военных не находится в полной мере даже легитимная российская территория. Иностранным журналистам, которые освещают события в Курской области, грозят тюремными сроками, объявляют их в розыск, вызывают послов и заявляют ноты протеста. Происходящее там от нас всеми силами стараются скрыть.

И вот мне как телезрителю о том, что там происходит, ежедневно сообщается только то, что — цитирую — «российские военные теснят украинских террористов в курском приграничье». То есть вот теснят, и все — на протяжении трех недель. А эвакуация при этом ежедневно продолжается.

В Украине объявлено военное положение, действуют военные ограничения, и тем не менее для объективного отражения...

Судья. Извините, пожалуйста, к поводам кассационной жалобы и предмету этого уголовного дела эти обстоятельства не относятся. Просьба не освещать то, что не имеет отношения к этому делу.

Иванов. К моему делу [относится], уважаемый суд, я говорю о событиях в Буче, которые стали предметом обвинения в настоящем уголовном деле, и об информации и источниках этой информации. Почему я доверял информации, которую публиковал, почему я не считаю ее ложной, а тем более — заведомо ложной, на основании чего я решил, что могу доверять, например, источникам *New York Times*.

Так вот, я говорю о том, что украинская сторона привлекает независимых наблюдателей, которые критикуют в том числе и ее, которые фиксируют все потенциальные нарушения международного гуманитарного права и военные преступления. И, как вы помните, действительно, *New York Times* писала о пытках российских военнопленных украинскими военными. *Amnesty International* выпускали доклад о...

Судья. Остановитесь, пожалуйста. То, что сейчас вы говорите, не имеет отношения к вашему преступлению, оставайтесь в рамках вашего уголовного дела, которое было рассмотрено, и доводов кассационной жалобы.

Иванов. Хорошо, в рамках настоящего уголовного дела...

Судья. Да уж, пожалуйста, только с доводами кассационной жалобы, с делом мы ознакомлены. Только то, с чем вы не согласны.

Иванов. Я не согласен с самой статьей 207.3 УК, поскольку под видом запрета на распространение заведомо ложной информации практика применения этой статьи сложилась таким образом, что статья запрещает распространять любую информацию, кроме той, которую доносят до нас официальные источники. Официальные источники при этом не доносят до нас, к сожалению, никакой информации. О чем я и упомянул, потому что сейчас единственные источники информации, которыми я могу пользоваться, — это официальные. Это наше телевидение.

Я вижу, какой отклик вызывает такой подход к информации в обществе. Это тотальное недоверие к официальным источникам, это тревожное ожидание, и это распространение даже самых нереалистичных слухов среди тех, кто смотрит эти новости и пытается что-то там прочитать между строк.

Снизить распространение фейков — если бы законодатель правда ставил перед собой такую цель — можно было бы простым способом: говорить людям правду. Но это сложный путь, потому что тогда придется признавать и собственные ошибки, и объяснять причины неудач, и отвечать на неудобные вопросы и критику. Если бы четверть века назад Владимир Путин избрал этот путь, неудобных вопросов сейчас было бы гораздо меньше...

Судья. Дмитрий Александрович! Остановитесь! Мы не исследуем уголовный кодекс, мы занимаемся рассмотрением кассационной жалобы. То, что вы сейчас сообщаете, к этому не относится!

Иванов. По поводу кассационной жалобы у меня уже все сказано. Я считаю этот приговор необоснованным, незаконным, несправедливым. Саму норму закона в том виде, в котором она применяется судами первой и второй инстанции, — противоречащей нормам Конституции.

Судья. Спасибо, и садитесь уже, пожалуйста.

Редактор: Мария Климова